

Прудон Пьер-Жозеф. Письма

1840-1865

- Письмо к редактору газеты La Presse (Париж, 29 мая 1863 г.)
- Переписка с Александром Герценом
  - Пояснение к письмам П.-Ж. Прудона
  - Письмо Прудона - Герцену от 27 ноября 1851 г.
  - Письмо Прудона - Герцену от 23 июля 1855 г.
  - Эфрос Наталья. Из переписки Пьера-Жозефа Прудона с Герценом
  - Письмо Герцена - Прудону от 27 августа 1849 г.
  - Письмо Прудона - Герцену от 15 сентября 1849 г.
  - Письмо Герцена - Прудону от 26 декабря 1851 г.
  - Письмо Герцена - Прудону от 23 (11) марта 1860 г.

Письмо к редактору газеты La Presse (Париж, 29 мая 1863 г.)

Господин редактор,

Я дал себе слово не принимать никакого участия в избирательных прениях. Я уже высказал мое мнение об этом предмете в печати и состояние моего здоровья в настоящее время не позволяет мне никакого умственного труда. Но последние статьи г. Жирардена, напечатанные в недавних номерах вашей газеты, касательно уклонения от подачи голосов, заставляют меня сделать над собой усилие и нарушить молчание.

Узнав из газеты, что предварительно вотирования должны были обсуждаться *два великие, два прекрасные вопроса* : 1-й, об уклонении от подачи голосов; 2-й, о том, каких усовершенствований можно ожидать от общей подачи голосов — г. Жирарден позволил себе увлечься до оскорбительных выражений относительно тех, которые уклонились от подачи голосов; он называет их *умами ложными, дикими, политическими евнухами, революционерами, сектаторами*, поведение которых *нетерпимо, фанатично и подло*. К чему такой поток ругательств? Объяснимся.

Но прежде следует спросить, кто виноват, что оба эти вопроса, в сущности, составляющие одно и то же, не были обсуждаемы? Брошюра моя (*les Démocrates assermentés*), касательно общей подачи голосов, в которой был изложен двойной вопрос — каких усовершенствований можно ожидать от общей подачи голосов в будущем и что в настоящем необходимо воздержаться от подачи голосов — появилась 20 апреля. Брошюру эту получили все газеты, следовательно г. Жирарден мог прочесть ее, отчего же он не начал прения? Партия, уклонившаяся от подачи голосов, не располагает никакой газетой; почему же *la Presse, le Siècle, l'Opinion Nationale, le Temps* не предложили нам своих столбцов? — Декларация или протест, уклонившейся партии (*les abstentionnistes*), адресованный к *демократическим избирателям*, помечен 17 мая, т. е., тринадцать дней до баллотирования, почему же самые эти газеты отказались поместить у себя этот протест? Против декларации этой напечатана была во всех газетах коалиции, авторами *Manuel électoral*, статья, доказывающая незаконность и недействительность немых бюллетеней; почему еще, когда подписавшие декларацию послали свое возражение, *la Presse*, не принимая во внимание права ответа, упорствовала в своем отказе поместить этот ответ на своих столбцах? Было сделано все, чтобы заглушить наш голос; а 28 мая, за три дня до выборов, г. Жирарден, сделав себя нашим клеветником, восстал против нас, сказав: будем вотировать, теперь поздно

обсуждать!.. Поступок этот будет разобран, если силы мне позволят, и могу уверить, что не к чести г. Жирардена. Теперь же достаточно и того, что я заявил о нем.

Г. Жирарден позволяет себе писать в насмешливом тоне: «Абстенционисты волнуются; абстенционисты совещаются; абстенционисты выпускают один циркуляр за другим, одну газетную статью за другой, чтобы помешать состояться голосованию, и т. д.» — По правде же сказать, г. редактор, мы держимся как нельзя более спокойно; мы не волнуемся, не собираем комитета и нисколько не образуем из себя тайного общества. Нас оказалось семнадцать человек, семнадцать граждан, собравшихся с разных точек политического горизонта, одни из нас принадлежат прошедшему и представляют демократическую традицию, другие обращены более к прогрессу, многие из нас никогда не встречались друг с другом, половина из нас свиделась в первый раз, прочие же прислали свое одобрение словесно или письменно. Надо полагать, что демократическая кандидатура очень ослабела, если теперь кричат о конспирации абстенционистов. Мы, как я сказал уже выше, ограничились тремя публикациями: брошюрой, протестом и возражением из четырех строк. Далее этого мы не пошли. Надо полагать, что это действие было весьма могущественно, если оно потрясло судебную палату, мастерские, биржу, церковь, двор, город и внушило против нас такой наплыв ярости и возбудило к нам столько гнева!

Да, мы вотируем немymi бюллетенями, и вместе с тем подтверждаем, что уважение к принципам, святость присяги, требуют, чтобы и демократия действовала точно также; да, мы утверждаем, что подобный способ уклонения, достоуважно мотивированный, совершенно *законный* и есть также *действие, проявленное в высшей степени*. Было ли опровергнуто право наше, на котором основывается наш тезис? Нет; действительность его признается всеми единогласно. Отвергаются ли причины факта, подтверждающие право это? Но факты очевидны для всех, они бьют в глаза, их можно резюмировать в двух словах: общая подача голосов, руководимая правительством, задавленная газетами монополии с согласия выступивших депутатов, не пользуется всей своей независимостью. На что же опирается г. Жирарден в своем нападении на нас, нас, которые по чувству демократического достоинства и по чувству самосохранения, советуем демократическим избирателям вотировать немymi бюллетенями! Он, с одной стороны вместе с гг. Оливье и Симоном, говорящими в пользу своих личных кандидатур, называет наше уклонение бездействием: кто уклоняется от подачи голоса, тот уничтожает себя, и т. д.; — с другой стороны вместе с жалкими авторами Manuel'я, озабоченными в настоящее время гораздо более своим легистским авторитетом, чем демократическим правом, и для которых одной партией меньше в общей подаче голосов — есть уже выгода, называет вотиrowание немymi бюллетенями незаконным. Вот почему нас обвиняют в нетерпимости, фанатизме и подлости. Раз навсегда покончим же с этими презренными обвинениями.

Прежде всего мне следует сказать, что уклонение от подачи голосов есть акт чисто консервативный. Демократия в настоящее время похожа на тяжущегося, в отношении которого правила судопроизводства не соблюдаются и для которого неявка в суд сделалась последним ресурсом. Адвокаты, авторы Manuel'я, не отвергают пользы неявки, они каждодневно в гражданских, коммерческих и уголовных процессах советуют ее своим клиентам. Как же осмелятся эти глубокие юрисконсульты утверждать, что между частным лицом, ходатайствующим за свою свободу, честь, собственность, — и гражданином,

призванным высказать свое мнение о политике правительства, не существует никакого тождества? В таком случае я берусь доказать им, что все правила судопроизводства гражданского и уголовного суть результат политических гарантий, которые во всяком свободном положении конституция обеспечивает за гражданами.

И так, уклонение от подачи голосов посредством немых бюллетеней вполне легально. Доказательством тому во 1-х, то, что голосование не обязательно; во 2-х, что когда избиратель решается вотировать, его выбор свободен; 3, что баллотировка тайная; 4, что не полагается никакого штрафа тому, кто уклоняется или не находит возможным вотировать; 5, наконец, как то сказал наш друг Шоде в своем ответе на статью адвокатов, что в иных случаях для вотирующего избирателя выгоднее выражать свое сомнение, свое отвращение, свой протест немым бюллетенем, чем отвечать на коварно предложенный ему вопрос *да или нет*. Авторы Manuel'я должны остаться довольны этими доводами; но если они опять будут возражать, то я обещаю им привести новое доказательство.

Другого более удобного случая для немого вотирования как тот, который представляется ныне, еще не было. — Здесь уклонение есть выражение высшей степени действия; оно по энергии своей берет верх над действительным вотированием, как бы то ни было, потому что оно имеет целью предоставить предварительно каждому выбору этот великий и прекрасный вопрос — *какие усовершенствования должны войти в механизм общей подачи голосов, для того, чтобы он мог нормально действовать.*

Напротив, г. Жирарден кричит нам, цитируя монсиньора Дюпанлу и его собратий по епископству: *Вы ничему не можете помешать вашим отказом вотировать, а лишаетесь всего; вы жалуетесь, что другие плохо видят, а сами вы лучше ли увидите, когда закроете глаза, и т. д.* Монсиньор орлеанский превосходный ритор; к несчастью вопрос касается не его.

Я отвечаю прелатам, что, отказываясь от подачи голоса, я ничего не уступаю; напротив, и соблюдаю, и сохраняю все; здесь, чтобы победить произвол, не значит бороться против самого себя и делаться помощником этого произвола, но оставить его истощиться в своем собственном действии. Я возвращаюсь опять к приведенному мною выше сравнению между частным тяжущимся и вотирующим избирателем и спрашиваю, с которых пор тяжущийся за неявку в суд считается потерявшим свое право; не бывает ли напротив? сколько людей спасли себя неявками, тогда как прениями несомненно погубили бы себя! Если бы несчастный Лезюрк мог, подав апелляцию, не являться и оставаться в тюрьме до того времени, когда истина открылась, то он спас бы свою голову и семейство его не вынуждено было бы ходатайствовать о восстановлении чести его имени.

Монсиньор Дюпанлу и его коллеги достаточно говорят о всем этом в своем поощрении нас к вотированию. Для современной церкви, различествующей в этом случае с церковью средних веков, равно как и для г. Жирардена и ему подобных, все правительства одинаковы и стоят одно другого, начиная с автократии и кончая федерацией. Равнодушие к общественному праву, а потом смешение принципов и мнений, вот их догм. Что им за дело до того, что будет несколько более или несколько менее стеснения в процессе всеобщей подачи голосов. Им ненавистна демократия и ее стремления и принципы, Им ничто не понятно в

нашей добросовестности. Поэтому, нам ничем не следует пренебрегать, что может способствовать к точному определению нашего положения и нашей мысли. В то время как правительство, сопровождаемое епископатам, поддерживаемое консервативным и реакционерным большинством и частью самой демократией, видит в общей подаче голосов лишь политическое орудие, с которым опасно обращаться и которое требует высшего руководства власти, — в наших глазах общая подача голосов, организованная согласно своему закону, есть учреждение демократии, и мы не должны и не можем ничего терпеть, что может нарушать ее; неприкосновенность общей подачи голосов есть палладиум свободы. По поводу этого мы скажем вместе с Боссюэтом, *что есть принципы, против которых что бы не делалось, ничто само по себе*, и прибавим еще, что во имя этих принципов мы устанавливаем формы, условия и гарантии общей подачи голосов.

Что ответил бы монсieur Дюпанлу, если бы ему предложили вотировать о формировании собора, составленного из духовенства всех культов и имеющего целью соединение всех религий? Монсieur Дюпанлу ответил бы, что соглашение невозможно между католической религией и протестантством, иудейством, магометанством и проч. Он отказался бы вотировать, и никто не нашел бы против этого возражения. Мы в отношении своих политических убеждений точно тоже, что монсieur Дюпанлу в отношении своего религиозного верования. Мы думаем, что из всех форм правления лишь одна истинна, а именно форма, вытекающая из общей подачи голосов. Из неё вытекает все право общественное, административное, гражданское, экономическое, криминальное, политика, семейное начало и собственность.

Постановив это, мы формально отказываемся от всякого произвольного действия, и если что нам внушает отвращение, то это именно равнодушие к правительственным формам, это соглашение несогласуемых мнений, эта ассоциация голосования, которую представляют нам люди различных школ, подобно гг. Жирардену, Монтеламберу и Дюпанлу.

Называйте нас чем хотите, *сектаторами, революционерами*, названия нас не пугают, лишь бы они были выяснены. Без сомнения, мы составляем секту, секту, рожденную только вчерашний день и помимо нашей воли; мы в меньшинстве нашем бессильны, но в нас есть нечто, что нас отличает от массы и что заключается в том, что мы признаем свои принципы, подтверждаем учреждение демократии и не краснеем от общей подачи голосов. Противники же наши не имеют всего этого; у них нет ни принципов, ни политической совести, они не верят ни в общую подачу голосов, ни в божественное право, ни в конституционную монархию. Без сомненья мы революционеры; но и реформаторы государств были ими, по крайней мере в продолжение того времени, которое требовалось для учреждения государства, и счастлив тот народ, у которого инициаторская власть без необходимости не длила своей диктатуры! Правительство, говорю я, революционно, оно бывает таковым каждый раз, когда, возникая из развалин, оно вынуждено действовать противоположно разрушенному принципу и в силу того принципа, который оно произвольно учредит и который оно не успело еще ввести в закон. Таким образом в 1789 учредительное собрание было революционно; конвент, консульство, реставрация, июльская монархия были также революционными; республика же 1848 совсем не была революционной, она не признала своего принципа и ея невежество ее убило; 2 декабря было революционно, но было им слишком долго... И мы в свою очередь, уклоняющиеся от подачи голосов, мы будем

также революционны; но успокойтесь, гг. Жирарден и де-ла-Геронньер и все те, которые надеваете личину страха, мы свое дело не затянем и скоро его покончим.

Что сказать мне о присяге? Для гг. Жирардена, Дюпанлу и прочих людей, придерживающихся политическому равнодушию, присяга не имеет ни смысла, ни важности. Чем рискуют они? Их присяга продержится столько, сколько продержится правительство, которому они присягнули и которое они нисколько не намерены опрокинуть, равно как и принести ему какие-либо гарантии. Живи, если можешь, говорят они ему, защищай себя само, мы же умываем руки!.. Для нас же, уверенных в том, что в организованной общей подаче голосов мы обладаем истинно демократической конституцией; что нашими желаниями, трудами, всеми усилиями мы стремимся к осуществлению вашей идеи, мы, вера которых имеет принципы и обязывает нас предвидеть тот случай, когда присяга, принесенная государю, может сделаться несогласуемой с теми действиями, которые нам предписывает наша вера, — мы отказываемся от присяги. Присяга, данная нами, была бы апостазия или клятвопреступление; нам невозможно было бы избежать этой дилеммы.

Без сомненья, уклоняясь от подачи голосов, мы тем удаляемся на время, а может быть и очень на долго, от власти и её выгод. Почести депутатов и все выгоды слияния партий не для нас. Самая популярность и та бежит от нас; современная генерация целой массой вступила на пут, на который мы никогда не вступим. Мы умрем при нашей задаче, прежде чем взойдет заря, о которой мы мечтали. Пусть так. Мы пойдем вперед без надежды и даже против надежды. Мы останемся верны нашему прошедшему, нашей политической религии, нам самим. Мы будем помышлять о наших братьях, умерших в изгнании, в тюрьмах и на баррикадах; мы облобызаем прах их и скажем, подобно Маккавеям: «умрем в нашей простоте» — *moriamur in simplicitate nostra!*..

Но что я говорю! Разве мы не вознаграждены уже той анафемой, которою гремит против нас г. Жирарден и прочие, кому наше воздержание, обзываемое инерцией, бессилием, самоубийством, служит помехой.

Интриганы, без уполномочия, предприняли из-за собственных выгод сочетать браком императора с демократией 1848 г. Условия контракта, как они говорят, должны были быть — честная и умеренная свобода; и они называют это венцом здания. Сами же они, сделавшись министрами, хотят, чтобы демократия довольствовалась тем. Но для этого необходимы были две вещи: заставить эту новую демократию вотировать как один человек без уклонения и завербовать ее присягою её кандидатов. Все казалось было готово для брачной церемонии; но вдруг слышался голос: этого нельзя! Голос выходить из небольшой группы людей, о которых никто не думал. Брак не может состояться, ему не бывать, во-первых, потому, что невеста не свободна располагать своей рукой; а во-вторых, она дала обет девства.

И вот брак не состоялся, к великому прискорбию, г. Жирардена и его аколитов. Непризнанные ни одной стороной сваты вынуждены предложить свободный союз, вне всякого влияния партий, нечто в роде морганического брака между императором и старым обществом улицы Пуатье, которое в 1848 г. расточало свои улыбки Людовику-Наполеону и год спустя увидело себя столь оскорбительно презренным им. И вот поэтому-то г.

Жиарден, дав прежде свой поцелуй примирения г. Карно и его партии, ныне горячо целует гг. Одилона-Барро и Тьера. Так называемые депутаты-демократы, если баллотировка им поблагоприятствует, будут присутствовать при отходе ко сну королевской фаворитки и станут держать подсвечники.

Исправляйте вашу должность сводчика, г. Жиарден, возбуждайте избирательную толпу, сзывайте, сзывайте к вашей урне потоки бюллетеней, но воздержитесь обзывать евнухами граждан, неумолимое *veto* которых опрокинуло ваш честный проект. Знайте, что евнухи суть те, чья тщеславная мелочность готова сойтись со всяким режимом, и кто хвастается своим республиканским образом мыслей для того, чтобы придать более весу своему сближению и в ком присяга кастрировала совесть! Ступайте, если смеее, к г. де-Персиньи, не давшему вам уполномочия, скажите ему, что он напрасно пугается кандидатуры г. Тьера, вы в замен приносите голоса Карно, Корбона, Вашеро, Жюль-Симона, Мари, Пелльтана, Морена, Оливье, Жюль-Фавра, Дрео, Кламажерана, Флоке, Герольда, Геру, Гавена, Нефцера, но не хвастайтесь тем, что для императорской системы вы приобрели нашу молодую демократию. Здесь единство весьма важно, а мы публично протестовали. Что же касается толпы, обманутой вами, дезорганизованной, спутанной вами, с повязанными глазами бросающейся к урнам, то она неспособна завершить дело, к которому вы ее призываете. Она не может ни помирить, ни компрометировать. Мы же действующие с знанием дела, мы своим обдуманном уклонением уничтожаем все её голоса. Бюллетени, которыми вы запасаетесь, как бы их число ни было велико, не будут иметь большого значения, чем пламя плошек, зажигаемых во время публичных празднеств, и которые, будучи зажжены наемной рукой, горят сегодня в честь короля, завтра в честь республики, а после завтра в честь императора.

Что же касается эпитета *подлости*, которую приписывает нам г. Жиарден и осмеливается при этом еще спрашивать нас, зачем мы не возмущаемся подобно полякам, то мы не считаем даже нужным на это отвечать. Г. Жиарден до того забылся, что даже не заметил, что прибегает в отношении нас к гнусному способу — подстрекательству. Нет сомнения, что между нами есть еще люди, которые уже доказали себя и которые не прочь и теперь еще, в случае неудачи, поплатиться своей особой; прочие же последуют за ними по мере сил. Но довольно для каждого дня своей жертвы. Нас семнадцать человек, от двадцати до шестидесятилетнего возраста. Пусть же нас оставят засевшими в наших траншеях; в них мы недосыгаемы и непобедимы.

Честь имею кланяться.

П. Ж. Прудон

Переписка с Александром Герценом

1848-1861, источники 1 и 2

Пояснение к письмам П.-Ж. Прудона

Из писем П. Ж. Прудона

Впервые опубликовано в ПЗ, 1859 г., кн. V, стр. 222–227. Печатается по тексту этого издания.

Переписка Герцена с Прудоном дошла до нас не в полном виде. Известная до настоящего времени в печати часть переписки относится к 1849–1861 гг. и включает 8 писем Герцена и 11 писем к нему Прудона (см. ЛН, тт. 15, 39–40, 62). Библиографическую справку о письмах Прудона к Герцену см. в ЛН, тт. 39–40 и 62.

Герцен сократил для печати все, что, по его мнению, лишено для читателя, в особенности для русского читателя, общего интереса, устранил повторения, длинноты, излишнюю риторичность выражений, опустил или смягчил лестные слова, сказанные по его личному адресу.

Первое из публикуемых писем содержит отклик Прудона на постигшее Герцена в 1851 г. горе – гибель матери и сына Коли. Герцен очень ценил проявленное Прудоном участие. Он вспоминает и цитирует строки из этого письма в гл. XLI «Былого и дум» (см. т. X наст. изд., стр. 196). Герцен ответил Прудону большим письмом от 26 декабря 1851 г.

Второе письмо Прудона является его ответом на приглашение Герцена сотрудничать в создававшейся им тогда «Полярной звезде». О значении, которое Герцен придавал сотрудничеству в «Полярной звезде» Прудона и других передовых людей Запада (В. Гюго, Д. Маццини, Ж. Мишле, Луи Блана), также приглашенных участвовать в ней, он говорит в статье «К нашим» (см. т. XII наст. изд.).

Характеристика Прудона как политического деятеля, философа, писателя и человека и описание встреч с ним наиболее полно даны Герценом в главе XLI «Былого и дум»; о взаимоотношении Герцена с Прудоном см. также в комментарии к этой главе (т. X наст. изд.).

Из двух первых писем Прудона ~ выписана вся общая часть в тексте «Былое и думы». – В гл. XLI «Былого и дум» (см. т. X наст. изд., стр. 191–193).

St. Pélagie... – Парижская тюрьма, в которой был заключен Прудон, приговоренный в 1849 г. к трехгодичному тюремному заключению за резкие статьи против президента Луи Наполеона Бонапарта.

...Ш. Е....- Шарль Эдмон – литературный псевдоним Хоецкого. Стр. 534. Торопитесь оплакать ваши частные горести ~ к собственным бедствиям своим! – В ответном письме Прудону от 26 декабря 1851 г., написанном после бонапартистского переворота, Герцен цитирует эти слова и называет их пророческими.

Письмо ваше от 14... – Это письмо Герцена неизвестно.

...«Русское обозрение». – Альманах «Полярная звезда».

Я не могу теперь написать вам статьи ~ редакторов «Русской звезды». – В ответном письме Прудону от <25–31> июля 1855 г. Герцен снова настойчиво напоминал ему о статье для «Полярной звезды», однако статья Прудона в «Полярной звезде» не появлялась.

Отрывок из этого письма был напечатан в I кн. «Полярной звезды». – В ПЗ на 1855 г., кн. I, стр. 231–232 были напечатаны вступительные фразы настоящего письма Прудона от слов: «сердечно поблагодарить вас» до: «Русской звезды». Отрывок дан в другом переводе.

...нет ли у него ~ тайных корней в самом сердце русского народа? – Ряд положений, высказанных в письме, например, рассуждение Прудона о народных корнях русского самодержавия, приписывание царю прогрессивной роли, преувеличенный взгляд на русскую исключительность, таивший в себе тенденцию оторвать Россию от общеевропейского революционного движения, были совершенно неприемлемыми для Герцена. В ответном письме от <25–31> июля 1855 г. Герцен, не вступая в полемику, в кратких тезисах сформулировал свою точку зрения на затронутые Прудонам вопросы. Ответ этот, несмотря на дружеский его тон и выраженные в нем чувства симпатии и уважения к Прудону, свидетельствует о резком с ним расхождении. Это и побудило, очевидно, Герцена ограничиться только краткой выдержкой из письма Прудона при его публикации в ПЗ на 1855 г., кн. I (ср. письмо Герцена к А. Саффи от 30 июля 1855 г.).

Римскому ли понтифу... – Подразумевается папа Римский Пий IX.

...воспоминания 14 июля, 10 августа, 31 мая, 1830, 1848. – Даты происходивших в Париже народных восстаний, определивших этапы развития французской буржуазной революции: 14 июля 1789 г. – взятие Бастилии, положившее начало революции; 10 августа 1792 г. – свержение монархии; 31 мая 1793 г. – установление якобинской диктатуры; 1830 г. – июльская революция; 1848 г. – февральская революция.

Письмо Прудона - Герцену от 27 ноября 1851 г.

S-te Pélagie, 27 ноября 1851.

Весть о несчастьи, вас поразившем, дошла до нас^[703], она глубоко огорчила нас. Все наши друзья поручили мне от их имени передать нам слово их искреннего участия, живой симпатии, неизменной любви к вам.

Итак, видно, еще мало, что мы страдаем внутри нашего разума, в качестве мыслящих людей, страдаем в нашей совести – человека, гражданина... надо еще, чтоб несчастье за несчастьем гналось за нами по пятам и преследовало бы нас в нашей любви сына, отца... Бедствия, так же как, с другой стороны, счастливые случаи, идут, цепляясь друг за друга, и когда вглядываешься поближе, то связь становится заметна, начинаешь разглядывать, что тот же самый гнет, который ведет нас в тюрьму, в ссылку, с другой стороны, морит голодом, болезнями.

Двадцать лет тому назад мой брат, молодой солдат, лишил себя жизни; капитан – вор, которому он не хотел помогать, довел его мелкими преследованиями до самоубийства. Отец и мать мои умерли преждевременно, одряхлевшие, изнуренные жизнью, исполненной горечи, побитые сборщиками податей, судейскими прижимками, всем, что называется властью.

В чем разница между крестьянином, у которого сын взят в солдаты, хозяйство разорено налогами и пр., который ломится под тяжестью безвыходного положения, – и вами, обреченным на скитанье из страны в страну, на все случайности переездов и у которого часть семьи гибнет в волнах?

Я родился в семье земледельцев и очень знаю, сколько членов семьи нашей с отцовской и с материнской стороны были разорены, доведены до отчаяния, убиты всеми этими старыми и новыми рабствами в продолжение века. И будьте уверены, что эти наболевшие, глухие воспоминания очень взошли в счет, когда я предпринял мою борьбу. Несчастье, поразившее вас, разбередило мои раны больше, чем когда-нибудь, и как ни печально и ни суетно такое утешение, но и этот новый зуб (grief^[704]) не забудется в репертуаре выстраданных мною вещей. Станемте теснее, чтоб лучше переносить наши невзгоды и бороться против наших врагов; чтоб увеличить, усилить нами, нашими словами – возмущающееся поколение, для которого мы ничего не можем сделать любовью и семейной жизнью.

Я сам отец, и скоро буду им во второй раз. Жена моя кормила ребенка своим молоком, растила его на моих глазах. Я знаю, что такое то непрерывное чувство отцовской любви, которое ежеминутно растет, каким-то непрерывным, повторяющимся излиянием сердца. Я через два года чувствую, как неразрывно тверды стали цепи, которые приковывают нас к этим маленьким существам, которые словно сжимают в себе начало и конец нашей жизни, ее причину, ее цель. Из этого вы поймете, как отозвалось во мне ваше несчастье.

Не успел я оплакать нашего Бакунина[705], вдруг весть о гибели этого парохода. Ничего не подозревая, я на днях писал к Ш. Е., и писал об вас, шутя, с моей вечной иронией. Сегодня скорбь удручает меня; о, сколько слез, крови, в которых я имею право спросить отчета у гнетущей силы... так много, что я отчаиваюсь при жизни свести счеты, и только повторяю с псалмопевцем: *Beatus qui retribuit tibi retributionem tuam, quam retribuisti nobis!*[706].

Да, Герцен, Бакунин, я вас люблю, вы тут, в этой груди, которую многие считают каменной. У русских, у казаков (простите выражение) (!?) – я нашел больше души, решимости, энергии. А мы выродившиеся крикуны (*tarageurs*), унижающиеся перед силой сегодня и завтра безжалостные гонители, если завладеем местом.

А между тем все распадается, оседает, все дрожит и готовится к борьбе, волны поднялись высоко, того и смотри затопят последние убежища реакции. По деревням, на полях являются страшные мести, невидимый враг поджигает житницы, валит деревья в лесу, уничтожает дичь, грозит и исполняет иной раз угрозы под штыками солдат и саблями конницы.

О, друзья мои! торопитесь оплакать ваши частные горести, идет время, и если его не устраним последнее условие примиряющего разума, если оно не сведет покоя на землю, оно придет, и вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы сделаетесь нечувствительными к собственным бедствиям своим! Жму вашу руку.

П. Ж. Прудон.

P. S. В ту минуту, как я хотел запечатать мое письмо, пришел меня навестить Мишле. Он знал уж о вашем несчастье, и мы вместе погоревали еще. Говорили мы много с ним о России, о Польше, об иезуитах, об революции и об вашей брошюре[707]. Все люди с сердцем понимают друг друга от одного конца Европы до другого... но бегите особенных кружков (*conciliabules*) и ложных пророков...

Примечания:

'03. Весть о гибели парохода 16 ноября 1851.

'04. урон (франц.). – Ред.

'05. Слух о смерти М. Бакунина в шлюссельбургских казематах был тогда распространен во всей Европе.

'06. Блажен, кто так же воздаст тебе по заслугам, как и ты воздаешь нам! (лат.). – Ред.

'07. «*La Russie et le socialisme*», lettre à J. Michelet.

Письмо Прудона - Герцену от 23 июля 1855 г.

Rue d'Enfer, 83, Париж, 23 июля 1855.

Письмо ваше от 14 было мне передано только 18 и именно в такую минуту, когда я был завален работой и делами. Отвечать прежде мне было невозможно.

Пользуюсь небольшим досугом, чтоб сердечно поблагодарить вас, что вы не забыли меня, предпринимая ваше «Русское обозрение». Наше воззрение, я думаю, сходно; мы связаны круговой порукой, у нас общие надежды и те же упования. С края на край Европы та же мысль, как молния, освещает все свободные сердца. Не говоря друг с другом, не переписываясь, хотим мы того или не хотим, – мы сотрудники друг друга. Я не могу теперь написать вам статьи, но чего нельзя сегодня, то можно завтра, и во всяком случае, живой или мертвый, я хочу быть одним из титулярных (honoraires) редакторов «Русской звезды»[708].

Наше положение ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротив, смотрю на управляемых. Не следует ли прежде, чем нападать на деспотизм притеснителей, напасть на деспотизм освободителей? Видали ли вы что-нибудь ближе подходящее к тирании, чем народные трибуны, и не казалась ли вам иной раз нетерпимость мучеников так же отвратительной, как бешенство их гонителей? Деспотизм оттого так трудно сокрушить, что он опирается на внутреннее чувство своих антагонистов, я должен бы сказать – своих соперников, так что писатель, действительно любящий свободу, истинный друг революции, часто не знает, в которую сторону ему направлять свои удары, в скопище ли утеснителей или в недобросовестность утесненных.

Верите ли вы, например, что русское самодержавие произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нет ли у него сокровенных оснований, тайных корней в самом сердце русского народа? Я спрашиваю вас – как одного из самых откровенных людей, которых я знал, – неужели вы не приходили в негодование, в отчаяние от притворства, от махиавеллизма тех, которых так или иначе европейская демократия признает или выносит своими главами? Не надо распадаться перед неприятелем – скажете вы; но, любезный Герцен, что страшнее для свободы – распадение или измена?

То, что я вижу на Западе, дает мне право предположить о том, что будет на Востоке, которого я не знаю; люди всё те же под всеми меридианами. Я четыре года смотрю, как вслед за гибельным примером какое-то бешенство деспотизма охватило все души; как презрение масс, вчера объявляемых самодержавными, почти боготворимых, сделалось

общим мнением; как люди, у которых свобода была девизом, ругаются теперь над ней; как социальная революция была осмеяна, посвящена смерти – лицемерами, которые со дня ее рождения поклонялись ей. Знаете ли вы, наконец, на ком хотят эти побежденные вчерашнего дня выместить горе своей неудачи? – На тирании, на привилегиях, на суеверии? Нет, на народе (la plèbe), на философии, на революции...

Speramini, popule meus![709] Какое же общение возможно с ними? Сделаемте союз, как Бертран дю Гесклин и Оливье де Клиссон, за свободу quand même[710], против всех живых и мертвых. Будем поддерживать дело освобождения, откуда бы оно ни шло и каким бы образом оно ни являлось, и будем без пощады сражаться против предрассудков, хотя бы мы их и встречали у наших единомышленников и братьев. Если газеты говорят правду, то Александр II собирается возратить Польше долю ее прав[711], как будто исполняя программу вашу, любезный Герцен, и это в то время, как Запад воюет против него и против революции за Турцию. Кому же дать пальму? Английской ли аристократии, которая с высоты свободной трибуны всенародно отзывается с презрением о Венгрии и Польше, или царю, начинающему восстановление Польши? Римскому ли понтифу, проклиняющему восстание Польши, или еретическому царю, зовущему ее на жизнь?

Снова будто с Востока занимается свобода, с Востока варварского, из этой родины рабов, кочующих дикарей отсвечивает на нас нравственная жизнь его, убитая на Западе эгоизмом мещан и нелепостью якобинцев: отсвечивает на нас в то время, как грубый материализм нас пожирает больше чумы и картечи; наше несчастное войско и народ русский увлекаются в бой благородными чувствами народности, религии, ненависти к варварству и, может, надеждой на свободу, обещанную царем.

История полна этих противуречий.

Принесут ли наши солдаты, храбрые в опасности, герои перед смертью, – принесут ли они с собой заразу благородных чувств и широких помыслов? Не знаю. От Запада они отрезаны механизмом дисциплины; казарменный дух, жалкая страсть отличий их очень забили – может, они придут так, как пошли солдатами папы и императора, Рима и 2 декабря.

Но чего не сделает «пушечное мясо», то сумеет сделать перо писателя. С берегов Черной, Днепра, Вислы – мысль о свободе придет пристыдить старую революционную весь. Она вызовет воспоминания 14 июля, 10 августа, 31 мая, 1830, 1848. Тогда мир узнает, может ли Франция, победоносная в Крыму (это предположение я поневоле должен сделать для моих суетных соотечественников), еще держать скипетр образования и прогресса...

Прощайте, любезный друг. Сохраните себя неприкосновенным и чистым в наших передрыгах, это мое единственное желание вам, пусть оно будет залогом вашего успеха.

П. Ж. Прудон

Примечания:

'08. Отрывок из этого письма был напечатан в I кн. «Полярной звезды».

'09. Надейся, народ мой! (лат.). – Ред.

'10. вопреки всему (франц.). – Ред.

'11. Тогдашние слухи!

Эфрос Наталья. Из переписки Пьера-Жозефа Прудона с Герценом

Публикуемые по подлинникам. «пражской коллекции» три письма из переписки Герцена с П.-Ж. Прудона (1809—1865) не могут считаться полностью неизвестными. Первое письмо Герцена и письмо Прудона приведены в 5-й части «Былого и дум», но в выдержках, притом несколько измененных для печати. Второе письмо напечатано полностью, но в беловой редакции, отличающейся от воспроизводимой нами черновой, оставшейся в бумагах Герцена (ср. VI, 533—536; первоначально «Былое», 1907, кн. IV, стр. 76—77). Таким образом, все три документа содержат новые и, как увидим, весьма интересные тексты Герцена и Прудона.

Письма относятся к 1849—1851 гг. Герцен поддерживал в это время дружеские и деловые отношения с Прудонам, который подвергался преследованиям французского республиканского правительства и находился в заключении. В публикуемой переписке нашли отражение те преувеличенные оценки Прудона и его учения, которые, как не раз отмечалось в литературе, были затем пересмотрены Герценом.

Первое письмо Герцена и ответ Прудона связаны с выпуском в свет прудоновской газеты «*Ba Vo^x ai Reirle*» и с обращением Прудона к Герцену за материальной поддержкой издания. Эпизод этот описан Герценом в «Былом и думах». Позднейшие документальные публикации дополнили это описание подробностями, опущенными Герценом. Однако оживленная переписка, возникшая между Герценом и Прудонам по поводу газеты, до сих пор целиком не обнаружена, и в истории сотрудничества Герцена в прудоновском органе все еще остаются невыясненные обстоятельства (см. нашу статью «Французские корреспонденты Герцена» — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 270 и в настоящем томе — публикацию писем Н. И. Сазонова к Герцену, стр. 522 и ел.). Письма «пражской коллекции» вносят в вопрос существенные добавления.

Как известно, Герцен, согласившись оказать денежную помощь газете Прудона, поставил при этом ряд условий. «...Я, — вспоминает Герцен, — требовал, во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, права заведывать всюю иностранною частью, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи» (XIII, 454). По словам Герцена, его требования «покоробили» Прудона, но все же он принял их и подтвердил свое согласие сдержанным письмом (от 23

августа 1849 г.), которое Герцен называет «строгой депешей». «На эту строгую депешу, — продолжает Герцен, — я отвечал высылкою 24 000 фр. и длинным письмом, совершенно дружеским, но твердым...» (там же). Первый публикуемый документ и есть черновик этого письма.

Описывая перипетии переговоров о газете «La Voix de Peuple», Герцен поясняет, что в споре с Прудоном им руководило желание «иметь положительное влияние на журнал». Он подробно останавливается на тех теоретических воззрениях и политических взглядах, которые хотел проводить в газете. Но, рассказав, как было достигнуто соглашение с Прудоном, коснувшись дальнейшей судьбы издания, упомянув о своем участии в газете в качестве автора *, Герцен ни словом не обмолвился о своей редакторской работе в ней. Никаких сведений об этом нет и в других источниках. Было принято поэтому считать, что Герцен фактически не воспользовался своими правами редактора иностранной части «La Voix de Peuple» и прямого влияния на руководство газетой не оказал. Новонайденный документ заставляет думать, что это не совсем верно.

Выше было упомянуто, что в «Былом и думах» Герцен привел лишь выдержки из своего письма к Прудону. При этом Герцен сохранил в сокращенном, а возможно, и в несколько измененном виде только теоретическую, принципиальную часть письма, но полностью исключил всю деловую его часть. Таким образом, остались неизвестными и те мероприятия по редактированию «La Voix de Peuple», к практическому осуществлению которых, как оказывается, Герцен приступил. Лишь теперь мы узнаем, что, подписав соглашение с Прудоном, Герцен сразу же принялся за организацию порученного ему иностранного отдела газеты. Он подыскивает для него авторитетных корреспондентов. Он готовит длинное письмо по поводу "плана работы к своему заместителю по заведованию иностранной частью газеты — Шарлю Эдмону; определяет денежные суммы, необходимые для выплаты гонорара привлеченным к сотрудничеству авторам, наконец, уделяет внимание задачам распространения газеты: берет на себя обязательство дать объявления об издании во всей радикальной международной прессе; составляет списки лиц, которым следует посылать газету для ознакомления. Все это позволяет предполагать, что редакторская роль Герцена в «La Voix de Peuple» вовсе не была номинальной, как это думали до сих пор. Вопрос об участии Герцена в издании газеты требует, очевидно, тщательного дополнительного изучения.

Значительный интерес представляет и теоретическая часть письма. В ней имеются новые, отсутствующие в авторской публикации, герценовские оценки общественнополитических событий 1848—1849 гг. По сравнению с ретроспективным рассказом об этих событиях в «Былом и думах» высказывания Герцена в публикуемом письме носят на себе в ряде случаев печать большей непосредственности, остроты и взволнованности.

Мысли о причинах поражения революции 1848 г., о судьбах Европы, бегло набросанные в письме, нашли законченное выражение в известных произведениях Герцена тех лет. Но для понимания исканий и путей, которыми шел к своим выводам писатель, имеет значение и знание первоначального восприятия им событий. В этом также ценность публикуемого документа.

Ответ Прудона, который мы публикуем, помещен в «Былом и думах», как и письмо Герцена, в выдержках. Герцен процитировал своего корреспондента подробнее, чем себя самого, и неизданная часть прудоновского письма не так значительна по существу. Тем не менее и здесь есть ценный материал. В частности, интересна меткая прудоновская характеристика политического положения Франции того времени. До сих пор письмо Прудона было известно только в отрывках и в русском переводе. Теперь оно впервые появляется в подлиннике и полностью.

Второе письмо Герцена, как и первое, сохранилось в его бумагах в черновом виде. Сравнение черновой рукописи с напечатанным беловым текстом (VI, 533—536) убеждает, что перед отправкой по назначению письмо подверглось большой переделке. Не меняя содержания написанного по существу, Герцен перередактировал письмо, внося изменения не только в отдельные фразы и выражения, но и в самую его структуру. Помимо вариантов, публикуемая рукопись содержит и куски текста, полностью отсутствующие в беловой редакции (например, высказывание о Швейцарии).

Письмо датировано 26 декабря 1851 г. Это — ответ Прудону на его дружеское выражение сочувствия по поводу постигшего Герцена несчастья — гибели матери, сына и воспитателя сына (VI, 538). Написанное вскоре после пережитого личного горя и почти тотчас же после наполеоновского переворота, письмо проникнуто трагической скорбью, вызванной зрелищем торжествующей реакции и одновременно огромной силой гнева и ненависти к существующему социальному строю. Это — один из замечательнейших документов в эпистолярном наследии Герцена.

Оба публикуемые письма Герцена написаны по-французски/

Русская редакция первого письма Герцена, вошедшая в «Былое и думы», как мы уже говорили, отличается от черновой редакции на французском языке. При переводе этого письма отдельные отрывки, выражения и фразы, в тех случаях, когда они соответствуют публикуемому оригиналу, даются в переводе Герцена.

Герценовский перевод воспроизводится также частично в переводе письма Прудона.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 100).

Письмо Герцена - Прудону от 27 августа 1849 г.

Милостивый государь!

Имею честь настоящим послать вам вексель для г-на Ротшильда и подписанное соглашение, это наиболее ясный ответ на письма, которое вы были любезны написать мне 23 августа [2].

Но знаете ли, милостивый государь, что вы подписали соглашение с варваром, и варваром тем более неисправимым, что он является им не только по крови, но и по убеждению. Больше всего хотелось бы мне придать иностранной части журнала характер, отражающий глубокую и безграничную ненависть к старому миру, к агонизирующей цивилизации. Как настоящий скиф, я с радостью вижу, как этот гибнущий старый мир рушится**, и не испытываю к нему ни малейшей жалости. Наш долг поднять голос и возвестить, что этот старый мир, которому мы принадлежим лишь отчасти, — умирает. Его смерть будет нашей инвеститурой.

Ваши соотечественники очень далеки от того, чтобы разделять эти идеи. Я знаю только одного свободного француза — это вас. Ваши революционеры — консерваторы; это люди старого мира, они не свободны; они христиане, не зная того, и монархисты, сражаясь с монархией!

Вы подняли вопрос негации на высоту науки, т. е. освобождение, эмансипацию возвели в теорию; вы первый во Франции сказали, что нет спасения внутри этого гниющего мира и что спасать из того, что ему принадлежит, нечего, что все созданное им запятнано духом аристократизма, рабством, презрением к человеку, несправедливостью, монополией — юриспруденция, как и экономика, представление о власти, как и понятие политической свободы. — Вот почему я думаю, что мой взгляд на вещи, взгляд варвара, вызовет ваше сочувствие. Во всяком случае я льщу себя этой надеждой.

Надо показать, во всех углах Европы, надо преследовать в печальных рассказах о последних революциях*** старый мир, реакцию, христианство, не в ряду наших врагов — это чрезвычайно легко, но в стане революции, надобно обличить эту круговую поруку демократии и власти; надо показать людям, что быть наполовину свободными это патент на несостоятельность. Не нужно страха перед победителями, но не нужно и сентиментальности с побежденными! Существование такой круговой поруки во Франции очевидно. Как не понять, что политические республиканцы составляют только незаметный оттенок доктринеров типа Гизо, не более как вариацию на ту же конституционную тему. Вот почему Гора не пошла с народом, когда возмущенный, оскорбленный он поднялся во весь

свой рост, чтобы стать под расстрел; вот почему народ не пошел с Горой, когда она после года позора вышла на улицу, не зная, что ей делать [3].

Так, милостивый государь, было во всей Европе, революцию погубили революционеры. Я знаю многих лиц, принимавших участие в недавних революциях, находясь на первом плане; но они сделаны не из того материала, который нужен, чтобы стать победителями. Пусть их знает весь мир, а все же не кто иной, как болтливые члены франкфуртского, венского и берлинского парламентов погубили, по образцу вашего Национального собрания, свободу Европы. Впрочем, это очень хорошо. Какой же могла бы быть свобода, принятая руками таких повитух. Лучше варварство, оно закалит наши расслабленные нравы, наши изнеженные души.

Вот моя исповедь.

Я печатаю в Цюрихе на немецком языке сочинение, которое можно было бы назвать философией революций 48 г. [4] Разрешите преподнести вам экземпляр. Я попрошу г. Эдмона [5] перевести вам несколько страниц. Это послужит мне рекомендательным письмом к вам.

Я напишу длинное письмо г-ну Эдмону относительно нашего плана [6]. У нас есть возможность иметь великолепных корреспондентов. Например, у нас есть уже один на примете в Гамбурге (Фребель) [7], тоже в Берлине (фамилия нрзб.) и в Кельне (д-р Го.тшальк) [8]. Для всей же Германии мы пригласим г-на Бамбергера [9], что касается Италии—Маццини, Спинии Пинто [10] сказали мне, что с величайшим удовольствием принимают предложение регулярно присылать сообщения. Я глубоко убежден, что если наш журнал не будет убит рукой инквизиции республики, это будет лучший журнал в Европе.

Я предложил бы вам определить небольшую сумму на корреспонденции, хотя мы надеемся получать большую часть их бесплатно. Если, например, определить 2000 фр. в год и разрешить нам располагать половиной, это, думается мне, покроет расходы.

Мы составим большой список лиц, которым надо будет, по крайней мере в течение недели, посылать по несколько экземпляров бесплатно; с своей стороны мы поместим объявления во всех радикальных журналах, за исключением Англии, где, например, Луи Блан мог бы (письмо обрывается).

Примечания:

[1] Датируется по ответному письму Прудона

[2] Выдержки из этого письма опубликованы Герценом в «Былом и думах» с ошибочной датой — 29 августа (ср. «Полярная звезда на 1859 год», стр. 141—142; XIII, 454). Возможно, что это опечатка.

[3] Речь идет об июньских событиях 1848 г. и о демонстрации 13 июня 1849 г.

[4] Герцен говорит о первом, немецком, издании «С того берега». Книга вышла в свет в начале 1850 г. На обложке и титульном листе обозначена книгоиздательская и книготорговая фирма в Гамбурге. В действительности, книга была отпечатана в Цюрихе и только распространялась гамбургской фирмой (XIII, 424). Упоминания об этом см. также в письмах Гервега к Герцену. «Есть ли у вас, — спрашивает он Герцена в марте 1850 г., — <...> письмо Гофмана и Кампе, где он пишет определенно, что согласен (...) продавать (...) „С того берега"» (XIV, 62). И в другом. письме: «Я не знаю, куда послать книгу: в Кельн, в Лейпциг, в Гамбург? Отсылка этой книги — почти единственное, что меня удерживает еще здесь (т. е. в Цюрихе (там же, 63—64; ср. также «Письма из Франции и Италии» — V, 110 и письмо Герцена к Т. Н. Грановскому от 27 сентября 1849 г. — V, 289).

[5] Шарль Эдмон. О нем см. в настоящем томе в публикации писем Н. И. Сазонова к Герцену — прим. 2 к письму 2, стр. 533

[6] Это письмо Герцена неизвестно. Неизвестна и вообще его переписка этого времени с Эдмоном. Можно предполагать все же, что договоренность о работе иностранного отдела газеты у них была. Так, например, в приложении к № 43 «La Voix du Peuple» от 18 ноября 1849 г. под рубрикой «Всемирная политика. Солидарность народов» была напечатана статья Эдмона, озаглавленная «Письмо первое» и открывшая серию статей на общие темы международного революционного движения. Перечисляя в статье дальнейшие публикации на ту же тему, намечаемые в газете, Эдмон назвал в первую очередь статью Герцена. И действительно, в приложении к номеру 50 газеты от 19 ноября того же года под той же рубрикой «Всемирная политика. Солидарность народов» с заголовком «Письмо второе» и ссылкой на то, что она служит продолжением «Письма первого», появилась статья Герцена «Россия». Трудно себе представить, чтобы это было сделано без предварительной договоренности и чтобы статья Эдмона, при этом программного характера, которую Герцен как бы продолжил, не была с ним согласована.

[7] Юлиус Фребель (1805—1893) — немецкий радикальный публицист, участник революционного движения 1848 г., левый член Франкфуртского национального собрания, эмигрировал в Швейцарию, а затем переселился в Америку. Впоследствии, по возвращении в Германию, — умеренный либерал; выступал как сторонник Бисмарка. Герцен встречался с Фребелем в Женеве (V, 289).

[8] Фамилия написана крайне неразборчиво. Читается предположительно как Готгаальк. Андреас Готшальк (1815—1849) — кельнский врач, член Союза коммунистов, председатель Кельнского рабочего союза (1848) и позднее глава оппозиции в этом союзе против большагства сторонников Маркса. В 1848 г. подвергался тюремному заключению и судебному преследованию. Энгельс посвятил суду над Готшальком статью в «Новой рейнской газете» «Процесс Готшалька и его товарищей» (№№ 176 и 178 от 22—23 декабря 1848 г.—К. Марк с иФ. Энгельс . Соч., т. VII, стр. 495—503).

[9] Людвиг Бамбергер (1823—1899) — немецкий политический деятель и финансист; в 1848—1849 гг. — демократ. За участие в Баденско-Пфальцском восстании был приговорен к смертной казни, но бежал в Швейцарию. Жил затем в эмиграции в Англии и Франции. Впоследствии национал-либеральный депутат рейхстага. В произведениях и переписке К.

Маркса и Ф. Энгельса дается резко отрицательная оценка политической деятельности и морального облика Бамбергера. Герцен познакомился с Бамбергером в Женеве в 1849 г. В своих воспоминаниях Бамбергер рассказывает о женевских встречах с Герценом, однако о приглашении сотрудничать в «La Voix du Peuple» не упоминает.

[10] Леопольд Спини — итальянский политический деятель и журналист. После поражения революции в Италии эмигрировал в Швейцарию. Герцен познакомился с ним в Риме в 1848 г. и встречался затем в Женеве в 1849 г. — О Микель-Анджело Пинто см. в настоящем томе, стр. 325.

Принимали ли участие Спини и Пинто в «La Voix du Peuple» — неизвестно: материал давался там часто без указания автора. Что касается Маццини, упомянутого в тексте письма, то две статьи за его подписью появились на страницах газеты.

Письмо Прудона - Герцену от 15 сентября 1849 г.

Консьержери, 15 сентября 1849 г.

Милостивый государь!

Один из наших друзей неожиданно пришел ко мне за ответом на ваше дружеское письмо от 27 августа, с тем, чтобы воспользоваться оказией, предоставляемой г-жой Гервег, которая также пишет своему мужу. Эта дама просит меня присоединить несколько слов к ее доводам, дабы побудить г. Гервега задержаться еще на некоторое время в Женеве, ввиду того, что пребывание в Париже могло бы оказаться для него не вполне безопасным [1]. Должен сказать, что, судя по сведениям, которые я получаю, для г. Гервега и в самом деле было бы опасно снова появиться в столице так называемого цивилизованного мира, что о нем уже отданы распоряжения, что на Него очевидно кем-то из привратников или прислуги был сделан донос; словом, что полиция стала более подозрительной, а в вопросах ЛИЧНОЙ свободы менее щепетильной, чем когда-либо. Пусть же наш друг переждет еще несколько недель, хотя бы до окончания версальского процесса [2]; весьма вероятно, что после новых сообщений он сможет пуститься в путь с меньшим риском.

Вчера были внесены в залог 24 000 фр. Теперь все заняты необходимыми хозяйственными и административными мероприятиями по выпуску издания; между 21 и 25 появится проспект, а с 1 октября мы откроем нашу кампанию, одновременно с возобновлением занятий Законодательного собрания [3].

Что касается моей брошюры, то она будет отпечатана не ранее 1-го, а может быть даже не ранее 15 октября. Жестокая мигрень вот уже несколько дней мешает мне работать и задерживает переписку набело этой работы, которая получилась гораздо длиннее, чем мне хотелось. Хотя бы длинноты оказались наибольшим из его недостатков. Впрочем я с удовлетворением вижу, что мы с вами встретились на одинаковой мысли. Я тоже написал под заглавием «Исповедь революционера» * философию событий, происшедших после февраля. Вы не найдете там, конечно, ни глубины, ни варварского задора, к которым вас приучили ваши германские философы и близость к северным расам, но не забывайте, что я пишу для робких французов, а они со всем своим революционным пылом, надо признаться, гораздо ниже своей роли. Как бы ограничен ни был мой взгляд, все же он на сто тысяч туазов [5] выше самых высоких вершин нашего журнального, академического и литературного мира. В этой стране лилипутов я еще десять лет смогу сойти за великана.

Я совершенно разделяю ваше мнение насчет демократов Франции и Германии, насчет так называемого республиканизма, этой разновидности доктринеров. Я с радостью вижу, что в этих вопросах нам не о чем спорить и не в чем убеждать друг друга. В сотрудниках редакции и во мне самом вы найдете людей, способных действовать в единомыслии с вами, это я вам гарантирую.

Я, так же, как и вы, думаю, что революция не допускает больше методического, мирного движения с осторожными формами переходов, как того хотела бы чистая экономическая теория и философия истории. Нам надобно будет делать страшные скачки, гигантские шаги. Но я думаю, что в качестве публицистов, возвещая грядущие социальные катастрофы, нам не должно представлять их необходимыми и справедливыми. Мы должны неизменно изыскивать для каждого момента наиболее умеренные и благоразумные решения. А то нас возненавидят и будут гнать. А нам прежде всего надобно жить...

Мигрень мешает мне продолжать наш разговор; мне надо лечь. Пришлите для проспекта газеты, вместе с упомянутыми вами адресами, соображения, которые найдете полезными. Расход на корреспонденции, о котором вы меня спрашиваете, будет упорядочен административным путем: как только дела газеты наладятся, он будет отнесен на счет предприятия.

Еще раз советую г. Гервегу не рисковать и не возвращаться раньше времени в Париж, а вас прошу принять мои братские приветствия.

П.-Ж. Прудон

Примечания:

[1] Гервег покинул Париж после 13 июня 1849 г.

[2] Версальский процесс — суд над участниками демонстрации 1849 г.

[3] Проспект, или пробный номер газеты, появился 25 сентября 1849 г., а с 1 октября она начала выходить регулярно. Газета подвергалась штрафам и преследованиям и продержалась недолго. 14 мая 1850 г. она прекратила свое существование. Газета выходила ежедневно и сверх того имела еженедельные понедельничные приложения.

[4] «Исповедь революционера» вышла в свет в конце октября 1849 г.

[5] Туаз — старинная французская мера длины.

Письмо Герцена - Прудону от 26 декабря 1851 г.

Я очень благодарен вам за ваше превосходное письмо от 27 ноября, оно подействовало на меня благотворно. Такое сочувствие (*Далее зачеркнуто: людей, которых мы любим, которых мы безгранично уважаем*) делает наши страдания более человеческими, менее тягостными [1].

Вы говорите: «Торопитесь оплакивать ваши частные горести, ибо вскоре, если последнее усилие примиряющего разума не сведет покоя на землю, вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы станете нечувствительны к собственным бедствиям своим»

Ваши пророческие слова оправдались страшным образом. Примиряющий разум не приложил больших усилий. У меня нет больше слез. Мне иногда кажется, что страшная катастрофа, которая 16-го числа прошлого месяца отняла у меня мать, сына и друга, случилась уже очень давно [2]. За время, истекшее после этого личного несчастья, целый мир потерпел крушение. Его гибель была предвидена. Вы сказали ему два года назад: «Не Каталина стоит у ваших ворот, а смерть». Но горе всегда застаёт врасплох. Смерть, которая тогда стучалась в ворота, теперь приотворила их. Печальная и скорбная обязанность—присутствовать на панихидах и прямо с похорон своих близких перейти на общие похороны, не дав ни малейшего отдыха разбитому сердцу.

Но оставим мертвым хоронить мертвецов. Мы не принадлежим прошлому, которое рушится, мы принадлежим будущему.

Как были бы мы счастливы знать, что вы вне Парижа и вне Франции. Париж—это Иерусалим после Иисуса; слава его прошлому, его великой революции, но путь его завершен. Царство либеральной, цивилизованной, фрондирующей буржуазии прошло. Она продала все, чтобы спасти свои деньги; за эту симонию она заслуживает, чтобы с ней обращались как с неграми, как с русскими. Она боялась чрезмерной свободы—ну что же?

Она получит чрезмерный деспотизм. Она ничего не желала уступить народу, и вот народ сложа руки смотрит, как ее расстреливают. Она выдумала красный призрак, она дрожала перед варварством, которое идет снизу, и вот варварство пришло сверху. Существует ли на свете более бедная идея, чем идея порядка; абстрактный порядок—это механика, это отрицание, инициативы, метаморфозы. Порядок и скупость. Но монархический принцип был в тысячу раз богаче, социальнее, поэтичнее. Полиция и биржа взамен престола и церкви!

Франция, впадшая в детство, и Россия, еще не вышедшая из него, — обе, сгибаясь под унижительным ярмом, оказались на одном уровне. Россия ничего не приобрела, Франция все потеряла. Деспотизм подготовит огромные возможности для коммунизма, но не для консерватизма. Консерватизм сохранился в одной лишь Англии, и она одна останется великолепным образцом мира цивилизованного, мира христианского и феодального; я думаю, что для нас (до Америки) нет другого места, ибо, если мы и в состоянии различать сквозь варварство красную нить прогресса, то, не будучи к тому принужденным, мне кажется невозможно влачить печальное и унижительное существование среди такой необузданной подлости и раболепства, среди такого разгула произвола и деспотизма. Конечно, можно было бы начать с Швейцарии (я сам натурализовался в Швейцарии), но я не очень-то верю в эту окаменелую республику: «свободны, как горы», говорят швейцарцы, да, но и «бесплодны, как горы» [3].

Ваш труд был безмерен. Вы все сделали, чтобы предупредить об опасности, вы наметили средства спасенья, переходные ступени, органические решения, указали на кризис социальной морфологии, громко требовавшей новых форм. Весь цивилизованный мир от Нью-Йорка до Москвы восхищался вами. А понимала ли вас хоть когда-либо цивилизованная часть Франции? Когда вы говорили—развитие, она понимала—разрушение; вы выступали со словами умиротворения, она принимала их за призыв к войне; ну, а теперь слишком поздно—их постигнет страшный катаклизм. Бедняги боялись потерять на своих процентных бумагах—и вот они потеряли честь, свободы, права, что нисколько не помешает им потерять и на процентных бумагах.

Мы живем пока спокойно, под покровительством *Croce di Savoia* *, но через два-три месяца я думаю покинуть Ниццу. Рассчитывайте, прошу вас, на меня, на мою преданность и дружбу. Я обязан вам больше, чем вы думаете. Гегель и вы,— вот кто наполовину определил мое философское развитие [4] . Я был бы счастлив, если бы мог работать с вами и быть вам полезным.

Жму вашу руку с большой, большой симпатией.

Примечания:

[1] Герцен говорит о письме Прудона от 27 ноября 1851 г. из тюрьмы 81. R¹lad1e. Оно было напечатано впервые в сокращенном переводе самого Герцена в «Полярной звезде на 1859 год», стр. 222—224 (VI, 536—538).

[2] 16 ноября 1851 г. при кораблекрушении утонули мать Герцена, его сын Коля и воспитатель сына Шпильман.

[3] Эти слова о Швейцарии перекликаются с позднейшими высказываниями Герцена о ней (ср. «Скуки ради. Альпийские виды»).

[4] Заслуживает внимания, что в беловой текст письма это свое утверждение Герцен не перенес. Ср. также в «Былом и думах» (XIII, 447).

Письмо Герцена - Прудону от 23 (11) марта 1860 г.

23 марта 1860. Park House.

Дорогой господин Прудон,

только что получил ваше письмо и тотчас же берусь за ответ. Искренне благодарю вас за сделанное мне предложение внести свой вклад в ваше Revue.

Надо однако сказать вам, что я и мой друг Огарев — мы чрезвычайно заняты (у нас на руках «Колокол», «Полярная звезда» и «Голоса из России»... — все это мы вдвоем должны редактировать, а что касается «Колокола» и «Полярной звезды», то передовые статьи для них мы сами же и пишем). Но вот что я вам предлагаю — перевод (обработанный для французских читателей) серии писем о России и Польше. Эти письма будут ответом на три или четыре статьи, опубликованные поляками в Париже. Надо вам изложить основную мысль этих писем. Для меня Польша представляет собой старую цивилизацию в славянском мире — притом во всей ее трагической красоте, со всеми преимуществами, которые дает несчастье, — с великими воспоминаниями, стремлениями к свободе, к католицизму (просвещенному!), к аристократии (радикальной!) — все это прекрасно, но все это нежизнеспособно. Мы, русские, мы ненавидим наше двойное прошлое: московскую традицию и петербургскую статистику, мы безродные в семье человечества, наша раса смешалась с татарами, с финнами, с туранскими народами. Западная цивилизация становится для нас ненавистной, как только она колеблется перейти Рубикон и вступить в социализм. Народ — мужик, раскольник, землепашец — не имеет ничего общего с Петербургом. Наша аристократия — это татары, возведенные в ранг немцев. Народ выдвигает вместо права на труд — право на землю без выкупа, общинное устройство, раздел земли, общинную собственность и промысловые объединения.

Если это вам подходит, я засяду за работу, чтобы сделать перевод. Но с тех пор, как я живу в Лондоне, я позабыл французский язык, надо будет исправлять стиль, орфографию.

Я буду писать о вашем Revue в «Колоколе» — вас любят, вами восхищаются в России. Ваши враги в России — это экономисты, сторонники абсолютного «laisser-faire», либералы оттенка Ламартина — Одиллона Барро; но это ведь огромное удовольствие — быть ненавидимым такими кретинами.

Есть ли у вас проспект вашего Revue? Я бы напечатал его в «Колоколе». Если вы указываете имена ваших сотрудников, назовите и мое. Огарев (он занимается преимущественно

общинным, экономическим и административным строем России) — один из самых выдающихся наших деятелей — также желает послать вам кое-что и, предварительно, вам напишет.

Жму вашу руку дружески, с симпатией и уважением.

Алекс. Герцен.

Наш Людовик XVI, Александр, хоть и дуется на нас, — один из наших постоянных читателей. Месяц назад он написал на докладе министра внутренних дел: «Более двух недель тому назад я уже читал об этом в „Колоколе“». Теперь он совсем обезумел: идут аресты и политический процесс — первый в это царствование.

Примечания

Печатается по тексту Л X, 265—266, где опубликовано впервые, по автографу, хранившемуся в архиве семьи Герцена. Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно. Русский перевод впервые опубликован: «Былое», 1907, № 4, стр. 80—81.

Ответ на письмо Прудона от 15 марта 1860 г. («Correspondance de P. -J. Proudhon», IX, P., 1875, стр. 347—350; русский перевод — Л X, 267—269).

... благодарю вас за ∞ предложение внести свой вклад в ваше Revue. — В своем письме Прудон сообщал Герцену о предпринимаемом им переиздании своей книги «De la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise» (первое издание 1858 г. было конфисковано. Оценку книги см. в «Былом и думах» — X, 196—197). Теперь Прудон издавал книгу отдельными выпусками, с «примечаниями, пояснениями и оценками современных фактов» (см. ниже). Обещая регулярно присылать Герцену через издателя все выпуски, Прудон обратился к нему с просьбой: «Не могли ли бы вы, время от времени, цитировать в „Колоколе“ кое-что из моего, а я в своем набате буду приводить цитаты из вас? Это было бы началом союза Франции и России — этих двух стран, которые, в конце концов, созданы, чтобы понимать друг друга <...> Я рассчитываю на ваши сообщения, чтобы украшать ими мои Этюды» (Л X, 269).

... я вам предлагаю — перевод ∞ серии писем о России и Польше. — Герцен имеет в виду публиковавшиеся в «Колоколе» письма «Россия и Польша» (см. XIV, 7—59 и 467—474). Французский перевод цикла «Россия и Польша» появился в 1862 г. в «La Cloche» (№№ 3, 5, 6 и 8).

Я буду писать о вашем Revue в «Колоколе»... — См. заметку Герцена «Revue Прудона» в К, л. 71 от 15 мая 1860 г. (XIV, 377).

Ваши враги в России — это экономисты, сторонники абсолютного «laissez-faire»... — Вероятно, Герцен имеет в виду экономистов, группировавшихся вокруг И. В. Вернадского, издателя журналов «Экономист» и «Указатель политико-экономический», на страницах которых печатались статьи в защиту принципа свободной торговли и за отмену охранительных пошлин. «Laissez-faire» — попустительство (франц.).

Есть ли у вас проспект вашего Revue ∞ Если вы указываете имена ваших сотрудников, назовите и мое. — Проспект издания Прудона в «Колоколе» напечатан не был. Оно выходило отдельными выпусками в Брюсселе (в 1860 г. вышло 11 выпусков, в 1861 г. — 1 выпуск) под названием «Essais d'une Philosophie Populaire. De la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise». В конце каждого выпуска помещался раздел «Nouvelles de la Révolution», в котором Прудон делился с читателями своими мыслями о современной политической жизни Европы. В частности, в первом выпуске Прудон посвятил несколько строк России, констатируя неизбежность раскрепощения русского крестьянства (стр. 107). Участие публицистов разных стран в Revue Прудона, очевидно, не состоялось; имена сотрудников, в том числе и Герцена, не указаны.

Огарев ∞ вам напишет. — Письмо Огарева к Прудону неизвестно.

Наш Людовик XVI, Александр... — Прудон писал Герцену: «Я с грустью замечая попятное движение вашего Александра. Что это: вообще политическая перемена или лишь перемена фронта? Или Россия вместе с своим молодым императором снова повторит период нашего неосторожного и злосчастного Людовика XVI?» (Л X, 268).

... он написал на докладе министра внутренних дел: «Более двух недель тому назад я уже читал об этом в „Колоколе“». — О чтении «Колокола» в царском дворце Герцен писал в «Былом и думах» (XI, 301).

... идут аресты и политический процесс — первый в это царствование. — Герцен имеет в виду аресты студентов в Киеве и Харькове. См. также письмо 26 и комментарии к нему.

Ответное письмо Прудона от 30 марта 1860 г. — ЛН, т. 39-40, стр. 272—273.